

УДК 81.11

Лексема «один» как способ детерминации неопределенности имени в китайском и татарском языках

Фаттахова Эльвира Брониславовна

Аспирант, кафедра романо-германских языков,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: fattakho@gmail.com

Аннотация

В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить степень функционально-семантической роли числительного «один» в татарском и китайском языках. Числительное «один» является одним из универсальных средств выражения значения неопределенности в безартиклевых языках, какими являются татарский и китайский языки. В статье также дается сравнительное описание степени грамматикализации китайского «一+ классификатор» и татарского числительного «бер».

Для цитирования в научных исследованиях

Фаттахова Э.Б. Лексема «один» как способ детерминации неопределенности имени в китайском и татарском языках // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 5. С. 47-62.

Ключевые слова

Неопределенность, безартиклевые языки, числительное «один», грамматикализация, татарский язык, китайский язык, сопоставительное языкознание.

Введение

Функционально-семантически категория неопределенности в татарском и китайском языках быть выражена целым пластом лексико-синтаксических способов, одним из которых является числительное «один».

Как часто отмечали в своих работах лингвисты Т. Гивон [Givón, 1981], С. Райт [Wright, Givón, 1987] и Б.Хайне [Heine, 1997], числительное «один» является наиболее частым источником, из которого эволюционируют неопределенные артикли в разных языках. В китайском языке «一 + классификатор» (一 – один) является наиболее близким из всех маркеров неопределенности к английскому неопределенному артиклю *a/an*. Когда «一» используется с именем нарицательным, языком регламентируется строгое употребление видового классификатора между числительным и существительным.

Числительное «один» как средство выражения неопределенности в татарском и китайском языках

Одним из средств выражения неопределенности именной группы в татарском языке является многозначное слово «бер» (один, некий, какой-то). Р.Ф. Фаттахова пишет, что «числительное бер в теоретической грамматике татарского языка и других тюркских языков рассматривается как полуфункциональный элемент, способный выражать релевантную (способную дифференцироваться) единичность» [Фаттахова, 2004, 40]. Грамматический статус «бер» рассматривается следующим образом: 1) в качестве числительного «один» для лексического выражения количества, подобно другим количественным числительным; 2) в качестве специального грамматического показателя единичности; 3) в качестве показателя неопределенности [Гузев, Насилов, 1975]. Говорящий использует «бер» в тех случаях, когда располагает какими-то дополнительными сведениями о референте, но предполагает, что референт неизвестен адресату речи. «Бер» широко употребляется в начале повествования, в интродуктивных предложениях. Передаваемое этим местоимением значение неопределенности основывается на том, что оно характеризует существительное как новое для слушателя.

Нәкъ Казан артында бардыр **бер** авыл – Кырлай диләр... [Тукай, Шүрәле, www].

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай... [Тукай, Шурале, www]

Б.Хайне выделил пять стадий процесса грамматикализации, в течение которых числительное «один» эволюционирует в полностью грамматикализованный маркер неопределенности. Пять стадий процесса грамматикализации включают в себя употребление «один» в качестве числительного, его представительного употребления, употребление в качестве показателя неидентифицируемого конкретного референта и показателя неидентифицируемого неконкретного референта, а также нереферентное употребление «один», или, как называет последнее Б.Хайне, «генерализованный артикль» [Heine, 1997, 72-76].

Определить в каждом конкретном языке, прошло ли числительное полный процесс грамматикализации на пути к формированию неопределенного артикля, не всегда легко выполняемая задача. Критерии определения данного феномена включают семантическое ослабление изначального значения, фонетическую редукцию, морфологическую автономию, с помощью которых устанавливается, как далеко продвинулся процесс грамматикализации.

В качестве маркера неопределенности «— + классификатор» обнаруживается во всех пяти стадиях использования, введенным Б. Хайне:

1) Числительное

办这件事我要一个小时就够了。

do this CL thing I need one CL hour then enough CRS

'I only need one hour to do this!'

Мне нужен всего один час, чтобы завершить это дело.

2) Представительное использование

一个人在门口停车了。

one CL person in gate park car PFV

'A man parked a car in front of the gate.'

Кто-то поставил машину напротив ворот.

3) Неидентифицируемый конкретный референт

我朋友去年买了一辆车。

I friend last year buy PFV one CL car

'My friend bought a car last year.'

В прошлом году мой друг купил машину.

4) Неидентифицируемый неконкретный референт

他 想 买 (一) 辆车, 什么车 都 行。

he want buy one CL car, any car all fine

'He wants to buy a new car; any car will be just fine.'

Он хочет купить машину, любая машина подойдет.

5) Генерализованный артикль

他是 (一) 个艺术家。

he be one CL artist

'He is an artist.'

Он художник.

Чем дальше «一 + классификатор» продвинулся по пути грамматикализации, тем очевиднее становится фонетическая редукция. «一» часто опускается, когда «一 + классификатор» используется с неидентифицируемыми и нереферентными именными группами, как показано в примерах (3), (4) и (5), оставляя лишь видовой классификатор как маркер неопределенности. В работе по изучению функционирования «一 + классификатор» в предложении, С.Лю детально проанализировал случаи, когда «一» можно опустить. «一» наиболее вероятно опускается при употреблении в качестве маркера неидентифицируемого неконкретного референта, как в примере (4), нежели чем в качестве маркера неидентифицируемого конкретного референта, как в примере (3) [Lu, Ge zi de yingyong..., 1990, 167]. П.Чэнь пишет, что «чем дальше продвигается континуум грамматикализации маркера неопределенности, тем более ослабевает морфологический и фонологический вес «一» в «一 + классификатор» [Chen, 2004, 1160]. В примере (1) «一» всегда находится под ударением; в примере (2) «一» находится в безударном положении, но опустить его невозможно; начиная с примера (3), естественность опущения «一» увеличивается от стадии к стадии, и если в примере (3) «一» еще сохраняет свою позицию, то последнее предложение (5) звучит намного гармоничнее без «一». Усиление фонетической редукции китайского числительного «一», по словам П.Чэнь, «идеально коррелирует с последовательностью развития по пяти стадиям континуума грамматикализации» [ibid.]. Что

касается татарского языка, то «бер» употребляется только в качестве числительного, выполняя свою основную функцию, и в представительном использовании, то есть в начале нарративного дискурса в качестве интродуктива:

1) Числительное

Килэчэктэ бөтен дөнъяда **бер** генэ тел булачак [Фэттах, 1995, 28].

В будущем во всем мире будет только один язык.

2) Представительное использование

Нэкъ шул сэгатьлэрдэ малай йоклап яткан эскерткэ аклы-каралы **бер** эт якынлашты [Низамиев, 1993, 31].

Как раз в это время к стогу сена, на котором лежал мальчик, подошла какая-то черно-белая собака.

Выделяются следующие случаи употребления «бер» [Закиев, Ганиев, Зиннатуллин, 1993, 285-286]:

1) Бер – неопределенный артикль:

Бер тавыш килде коллакка... (Г.Тукай)

Послышался один (некий, какой-то) голос (пер. автора).

2) Бер – разделительный союз: Бер көләм дә, бер елым... (М.Жәлил) – То смеюсь, то плачу [там же, 285].

3) Бер в сочетании с частицей –дә как отрицательное наречие:

Бер дә алай димәдем [Фэттах, 1995, 196].

Вовсе я так не говорил.

Бер дә кешедән ким яшәмәдек [там же, 211].

Мы жили не хуже других.

4) Бер участвует в образовании сложных местоимений – неопределенных и отрицательных, типа беркем (никто), бернәрсә (ничто), берничә (несколько), беркайда (нигде), беркайчан (никогда), бернинди (никакой) и наречий бераз (немного), беркөн (на днях) и так далее.

Числительное «берәү» употребляется как

1) количественное числительное: берәү кызым бар (есть у меня одна дочка);

2) неопределенное местоимение: берәүнең биш малае бар ди [там же] (Скажем, у кого-то есть пять сыновей);

3) отрицательное местоимение в сочетании с частицей –дә: дәрәскә берәү дә үз вакытында килмәде (Никто не пришел на урок вовремя).

Числительное «берәр», помимо основного разделительного значения (берәр алма – по одному яблоку) используется также для выражения

1) приблизительности: берәр атна (около недели);

2) неопределенности: берәр кеше (кто-то, кто-нибудь), берәр нәрсә (что-то, что-нибудь), берәр кая (куда-нибудь): Берәрсе күргәндер дә әйткәннәрдер, энә малаен кызлар белән йөри башлаган дигәннәрдер [там же, 77] (Наверное кто-нибудь увидел, да и начались пересуды, что твой сын с девочками начал гулять), берәрсенә биреп калдыр инде (оставь кому-нибудь).

Слово «бер-бер» в татарском языке практически не употребляется как числительное, но функционирует как неопределенное местоимение: бер-бер бәхетсезлек килеп чыкмасын (как бы не случилось какое-нибудь несчастье), бер-бер кеше каршы килер эле (кто-нибудь да пойдет навстречу).

В таких контекстах, где «бер» не является показателем неопределенности, оно приобретает значение «единственный», «особенный», «один и тот же», «то есть в предложениях с явным или имплицитным противопоставлением «один, а не много», «один, а не разные» [Маштакова, 2005, 107]: «кайберәүләр гомер бирле тик бер кешене генә яраталар» (некоторые всю жизнь любят лишь одного человека). Сюда также относится прилагательное «бердәнбер» (единственный, единственный), особо подчеркивающий определенный характер высказывания: бердәнбер бала (единственный ребенок).

Таким образом, обнаруживаем, что числительное «бер» в татарском языке демонстрирует начальный этап процесса грамматикализации: во-первых, «бер» выполняет свою основную роль как числительное, во-вторых, выполняет функцию маркера неопределенности в представительном использовании. Эти две начальные стадии грамматикализации в татарском языке не демонстрируют каких-либо явных признаков развития числительного «бер» далее в неопределенный артикль. Хотя лексема «бер» не обнаруживает фонетическую редукцию в предложенных примерах, мы видим, что изначальная функция «бер» как числительного значительно ослабевает в примерах, где «бер» принимает значение «некий, какой-то». Показательно, что в отличие от китайского языка, «бер» выступает в

качестве разделительного союза, а также в сочетании с частицей –дә в качестве отрицательного наречия. Помимо этого, «бер» образует сложные местоимения.

Образованные от «бер» числительные «берәү» и «берәр» обладают более широкой морфологической автономией и могут использоваться в предложении и прономинимально, и как прилагательное, что сближает его с китайским «一 + классификатор». В татарском языке «берәү» и «берәр», используя прономинимально могут изменяться по падежам и по категории принадлежности, что подчеркивает их морфологическую автономию.

Маркер неопределенности «一 + классификатор» в китайском языке имеет уникальный случай использования, впервые отмеченный С.Лю [Lu, Ge zi de yingyong..., 1990; Lu, Ba zi yongfa..., 1990], когда «一 + классификатор» с опущенным «一» используется в высказываниях с *определенным* референтом (подчеркнуто нами). Рассмотрим пример, где «一 + классификатор» маркирует определенного референта по имени Jiang Ping:

之 这 一 句 ， 把 (一) 个 江 平 吓 了 一 跳。

only this one utterance BA one CL Jiang Ping scare PFV one jump

'Just this one utterance gave Jiang Ping a fright' [Lu, Ge zi de yingyong..., 1990, 164].

Цзянг Пинг подскочил от страха, услышав лишь одно это предложение.

Следует отметить, что вышеуказанный случай использования «一 + классификатор» с именем собственным не следует путать со случаем, когда «一 + классификатор» маркирует референта, который признается говорящим как неидентифицируемый для адресата:

有 一 个 安 娜 想 买 你 的 车。

have one CL Anna want buy you DE car

'There is a certain Anna who wants to buy your car'.

Есть некая Анна, желающая приобрести твою машину.

В данном случае «一 + классификатор», как и следует из перевода на английский и русский языки, употребляется перед именем собственным со значением «некий» (a certain).

Определенные референты, маркированные неопределенным «一 + классификатор» делятся на две основные категории: 1) имена собственные и терми-

ны родства, которые в китайском языке очень близки с именами собственными и 2) существительные в позиции прямого дополнения перед сказуемым, вводимые в дискурс объектным маркером 把 (ba). Принято считать, что именные группы, занимающие позицию после объектного маркера 把 в предложении, являются идентифицируемыми референтами [Chen, 2003, 1173]. Нижеследующий пример демонстрирует, казалось бы, конфликт функций, заключенных в маркере «一 + классификатор», и в интерпретации 雨伞 (зонт) в плане идентифицируемости именной группы:

他 把 (一) 个 雨伞 丢 了。

she BA one CL umbrella lose CRS

'She lost her/the umbrella'.

Она потеряла свой зонт.

Лексическое кодирование референта 雨伞 относительно идентифицируемости является нейтральным. В то же время, «一 + классификатор», являясь маркером неопределенности, отмечает именную группу в качестве неидентифицируемого референта. По этому поводу Й.Чао отмечает, что «передовая позиция объекта, установленная транзитивным 把, имеет большее влияние, нежели наличие 个 или 一个, при принятии решения о степени определенности референта» [Chao, 1968, 344]. Другими словами, независимо от наличия «一 + классификатор», именная группа в позиции после 把 всегда будет иметь определенное прочтение.

П.Чэнь пишет, что употребление «一 + классификатор» в случаях с определенными референтами служит «фоновым средством, указывающим, что маркированная им именная группа, в противном случае заключающая в себе высокую тематическую важность, должна рассматриваться в качестве незначительной по степени тематической важности в контексте высказывания» [Chen, 2003, 1175]. Данный концепт тематической важности П.Чэнь заимствует у Т.Гивона [Givon, 1984-1990], имея в виду степень важности референта в дискурсе. Референты отличаются друг от друга в плане значимости их ролей в развитии дискурса. Референты высокой тематической важности обычно повторяются чаще в ходе дискурса, нежели референты низкой тематической важности. Информационный статус подобных референтов отмечается в литературе сле-

дующими концептами: центрированность сюжета [Clancy, 1980], характерная особенность [Du Bois, 1980], выдвижение на первый план [Hopper, Thompson, 1993], протагонизм [Cumming, 1995], референтная значимость [Givón, 1984-1990; Chafe, 1994], характерность [Downing, 1996].

Как отмечалось выше, определенные референты, маркированные «一 + классификатор», являются именами собственными или терминами родства и объектами, включенными в дискурс посредством 把. Для данных референтов, в случае отсутствия неопределенного маркера, характерна высокая тематическая значимость в дискурсе высказывания. В литературе подтверждается высокая тематическая важность референта, представленного именем собственным в дискурсе. На основе устных и письменных экспериментов А.Сэнфорд заключает, что индивид, представленный именем собственным, является более значительным по степени важности, чем индивид, представленный «описанием роли», и подобное лингвистическое кодирование служит «дискурсивной инструкцией к запечатлению индивида как особо важного» [Sanford, Moag, Garrod, 1988, 48]. Подобное заявление встречаем у Т.Гивона, отметившего, что, «как правило, только глобально важным референтам даются имена собственные» [Givón, 1984, 937]. П.Даунинг полагает, что «статус главного героя, по всей видимости, окажется одним из факторов, способствующих использованию имен собственных в разговорных контекстах» [Downing, 1996, 115]. Именные группы, занимающие позицию после 把, – объекты высказывания, характеризуются не менее значимой тематической важностью. Некоторые китайские грамматисты характеризуют объект 把 как вторичную тему в дискурсе [Tsao, 1990; Tomlin, 1983; van Oosten, 1986].

В случаях, когда два этих типа именных групп (имена собственные и объекты 把) следуют за маркером неопределенности, они сохраняют идентифицируемость, но теряют высокую тематическую значимость, традиционно ассоциируемую с данным морфосинтаксическим кодированием [Chen, 2003, 1176]. Следовательно, данный случай использования маркера неопределенности с определенными референтами служит признаком низкой тематической значимости именной группы, сокращая, таким образом, высокие ожидания частого повторения высказывания в последующем дискурсе.

Выводы

Таким образом, установлено, что генерализованный артикль в китайском языке «一 + классификатор» подобно неопределенным артиклям во многих индоевропейских языках, демонстрирует функции, характерные для каждой стадии процесса грамматикализации от числительного к генерализованному артиклю. В отличие от китайского «一 + классификатор», «бер» в татарском языке демонстрирует лишь две начальные функции преобразования из числительного в грамматикализованный маркер неопределенности: собственно, функцию числительного и представительного использования. Китайский маркер неопределенности «一 + классификатор» расширил границы своего нереперентного употребления до функции маркирования определенных именных групп как обладающих низкой тематической важностью. П.Чэнь пишет, что подобное явление является свидетельством того, как маркер неопределенности прошел не только все пять стадий грамматикализации, предложенные Б.Хайне, но и вышел на более высокий уровень развития [там же, 1183]. В случаях употребления «一 + классификатор» в качестве генерализованного артикля и в качестве маркера низкой тематической важности с определенными именными группами, семантическая референтность и прагматическая идентифицируемость именных групп нейтрализуется. Говорящий расценивает именные группы как незначительные сущности в последующем дискурсе независимо от того, являются ли они семантически референтными или нереперентными, прагматически идентифицируемыми или неидентифицируемыми. Китайский маркер неопределенности «一 + классификатор», таким образом, маркирует не только неопределенные именные группы, но и определенные высказывания, являющиеся семантически референтными и /или тематически незначительными. Образованные от татарского «бер» слова «берэр» и «берэү» обладают широкой морфологической автономией и, используясь предложении прономинально, изменяются по категориям падежа, принадлежности. В обоих языках, в и татарском, и в китайском, «бер» и «一 + классификатор» являются наиболее близкими функционально к неопределенным артиклям как показатели неопределенности. Однако в татарском языке слово «бер» является ме-

нее развитым по степени грамматикализации показателем неопределенности именной группы по сравнению с китайским «一 + классификатор», который способен употребляться с определенными именными группами, уменьшая их тематическую важность в дискурсе.

Приведенный анализ функционально-семантической роли числительного «один» в татарском и китайском языках свидетельствует о специфике этой лексической единице в каждом языке. В то же время, универсальность использования числительного «один» в качестве маркера неопределенности в безартиклевых языках является неоспоримой.

Библиография

1. Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98-111.
2. Закиева М.З., Ганиева Ф.А., Зиннатуллина К.З. (ред.) Татарская грамматика. Том II. Морфология. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 397 с.
3. Маштакова М.В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
4. Низамиев Р. Кызыл кар яугач: Повестлар, хикәяләр. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 223 с.
5. Тукай Г. Шурале (перевод Чепурова А.). URL: <http://kitap.net.ru/shurale-r.php>
6. Фаттахова Р.Ф. Категория числа в современном татарском литературном языке. Казань: Гуманитария, 2004. 152 с.
7. Тукай Г. Шүрәле. URL: http://kitaphane.tatarstan.ru/teb.htm?page=7&pub_id=26811
8. Фәттах Н. Кичү: Чәчмә әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 351 бит.
9. Chafe W.L. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: Chicago University Press, 1994.
10. Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968. 847 p.

11. Chen P. Identifiability and Definiteness in Chinese // *Linguistics*, 42-6, 2004. Pp. 1129-1184.
12. Chen P. Indefinite determiner introducing definite referent: A special use of 'yi 'one' classifier' in Chinese // *Lingua*. 2003. № 113. P. 1169-1184.
13. Clancy P. Referential choices in English and Japanese narrative discourse // Chafe W. (ed.) *The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production*. NJ: Albex Publishing Corporation, Norwood, 1980. P. 127-202.
14. Cumming S. Agent position in the *Sejarah Melayu* // Downing P., Noonan M. (eds.) *Word Order in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 51-58.
15. Downing P. Proper names as a referential option in English conversation // Fox F. (ed.) *Studies in Anaphora*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 95-143.
16. Du Bois J.W. Beyond definiteness: the trace of identity in discourse // Chafe W. (ed.) *The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, NJ: Albex Publishing Corporation, 1980. P. 203-274.
17. Givón T. On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // *Folia Linguistica Historica*. 1981. № 2(1). P. 35-53.
18. Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vols. I-II. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984-1990.
19. Heine B. *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 200 p.
20. Hopper P., Thompson S.A. Language universals, discourse pragmatics, and semantics // *Language Sciences*. 1993. 15 (4). P. 357-376.
21. Lu S. Ge zi de yingyong fanwei, fu lun danweici qian yi zi de tuoluo [Scope of the uses of ge and omission of yi in front of classifiers] // *Lu Shuxiang Wenji (Collected Works of Lu Shuxiang)*. Vol. 2. Beijing: Shangwu Press, 1990 [1944]. P. 144-175.
22. Lu S. Ba zi yongfa de yanjiu (Studies in the uses of ba) // *Lu Shuxiang Wenji (Collected Works of Lu Shuxiang)*. Vol. 2. Beijing: Shangwu Press, 1990 [1944]. P. 176-199.
23. Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 897 p.

24. Sanford A., Moar J.K., Garrod S.C. Proper names as controllers of discourse focus // *Language and Speech*. 1988. № 31. P. 43-56.
25. Tomlin R.S. On the interaction of syntactic subject, thematic information, and agent in English // *Journal of Pragmatics*. 1983. № 7. P. 411-432.
26. Tsao F. *Sentence and Clause Structure in Chinese: A Functional Perspective*. Taipei: Student Book Company, 1990. 505 p.
27. Van Oosten J. *The Nature of Subjects, Topic and Agents: A Cognitive Explanation*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1986. 233 p.
28. Wright S., Givón T. The pragmatics of indefinite reference: quantified text-based studies // *Studies in Language*. 1987. № 11 (1). P. 1-33.

Numeral "one" as a marker of indefiniteness in Tatar and Chinese

El'vira B. Fattakhova

Postgraduate,
Department of Romanic and Germanic languages,
Kazan Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: fattakho@gmail.com

Abstract

This article focuses on a functional semantic role of the numeral "one" in Tatar and Chinese as one of the universal lexical means to express indefiniteness in articles languages. Being languages without articles, Chinese and Tatar do not possess grammaticalized means of expressing the category of (in)definiteness. This paper analyzes the degree of grammaticalization of Chinese "一+classifier" and Tatar numeral "ber" on all five stages of the grammaticalization process introduced by B. Heine, assuming that these indefinite determiners in Tatar and Chinese are the most approximate to the English indefinite article "a/an". The

Tatar indefinite determiner "ber" has developed up to the second stage of the grammaticalization process and is characterized by the use of a numeral and its presentative use. Derived from the indefinite determiner "ber" numerals "beryar" and "beryau" in Tatar demonstrate a wide morphologic autonomy being able to decline in the categories of case and possession. The Chinese indefinite determiner "一+classifier" demonstrates functional characteristics of all five stages of the grammaticalization process, serving as a numeral on the first stage and as a generalized indefinite determiner on the fifth stage. The study shows that "一+classifier" has developed even further than the indefinite article marking definite expressions of low thematic importance. To prove the grammaticalized level of the indefinite determiners in both languages, we provide the examples from literary abstracts with translations and refer to the previous studies on the topic.

For citation

Fattakhova E.B. (2014) Leksema "odin" kak sposob determinatsii neopredelennosti imeni v kitaiskom i tatarskom yazykakh [Numeral "one" as a marker of indefiniteness in Tatar and Chinese]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 5, pp. 47-62.

Keywords

Indefiniteness, articles languages, numeral "one", grammaticalization, Tatar language, Chinese language, contrastive linguistics.

References

1. Chafe W.L. (1994) *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: Chicago University Press.
2. Chao Y.R. (1968) *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
3. Chen P. (2003) Indefinite determiner introducing definite referent: A special use of 'yi 'one' classifier' in Chinese. *Lingua*, 113, pp. 1169-1184.
4. Chen P. (2004) Identifiability and Definiteness in Chinese. *Linguistics*, 42 (6), pp. 1129-1184.

5. Clancy P. (1980) Referential choices in English and Japanese narrative discourse. In: Chafe W. (ed.) *The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production*. NJ: Albex Publishing Corporation, Norwood, pp. 127-202.
6. Cumming S. (1995) Agent position in the Sejarah Melayu. In: Downing P., Noonan M. (eds.) *Word Order in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 51-58.
7. Downing P. (1996) Proper names as a referential option in English conversation. In: Fox F. (ed.) *Studies in Anaphora*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 95-143.
8. Du Bois J.W. (1980) Beyond definiteness: the trace of identity in discourse In: Chafe W. (ed.) *The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production*. NJ: Albex Publishing Corporation, Norwood, pp. 203-274.
9. Fattakh N. (1995) *Kichyu: chechme eserler* [Overcome: selected prose]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
10. Fattakhova R.F. (2004) *Kategoriya chisla v sovremennom tatarskom literaturnom yazyke* [The category of number in the modern Tatar literary language]. Kazan': Gumanitariya Publ.
11. Givón T. (1981) On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker. *Folia Linguistica Historica*, 2 (1), pp. 35-53.
12. Givón T. (1984-1990) *Syntax: A Functional-typological Introduction*. Vols. I-II. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
13. Guzev V.G., Nasilov D.M. (1975) K interpretatsii kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v tyurkskikh yazykakh [On the interpretation of the category of number of nouns in Turkic languages]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 3, pp. 98-111.
14. Heine B. (1997) *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
15. Hopper P., Thompson S.A. (1993) Language universals, discourse pragmatics, and semantics. *Language Sciences*. 15 (4), pp. 357-376.
16. Lu S. (1990) Ba zi yongfa de yanjiu [Studies in the uses of ba]. In: *Lu Shuxiang Wenji* [Collected Works of Lu Shuxiang]. Vol. 2. Beijing: Shangwu Press, pp. 176-199.

17. Lu S. (1990) Ge zi de yingyong fanwei, fu lun danweici qian yi zi de tuoluo [Scope of the uses of ge and omission of yi in front of classifiers]. In: *Lu Shuxiang Wenji* [Collected Works of Lu Shuxiang]. Vol. 2. Beijing: Shangwu Press, pp. 144-175.
18. Lyons J. (1977) *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Mashtakova M.V. (2005) *Opredelemnost'-neopredelemnost' v russkom i frantsuzskom yazykakh: znacheniya, funktsii i sposoby vyrazheniya*. Doct. Diss. [Definiteness-indefiniteness in Russian and French: meanings, functions, means of expression, Doct. Diss.]. Moscow.
20. Nizamiev R. (1993) *Kyzyl kar yaugach: Povest'lar, khikayalar* [When the red snow falls: novels, short stories]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
21. Sanford A., Moar J.K., Garrod S.C. (1988) Proper names as controllers of discourse focus. *Language and Speech*, 31, pp. 43–56.
22. Tomlin R.S. (1983) On the interaction of syntactic subject, thematic information, and agent in English. *Journal of Pragmatics*, 7, pp. 411–432.
23. Tsao F. (1990) *Sentence and Clause Structure in Chinese: A Functional Perspective*. Taipei: Student Book Company.
24. Tukai G. (1907) *Shurale*. Available at: http://kitaphane.tatarstan.ru/teb.htm?page=7&pub_id=26811 [Accessed 12/04/14].
25. Tukai G. (1999) *Shurale*. Transl. by A. Chepurov. Available at: http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=757&Itemid=37 [Accessed 12/05/14].
26. Van Oosten J. (1986) *The Nature of Subjects, Topic and Agents: A Cognitive Explanation*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club.
27. Wright S., Givón T. (1987) The pragmatics of indefinite reference: quantified text-based studies. *Studies in Language*, 11 (1), pp. 1–33.
28. Zakieva M.Z., Ganieva F.A., Zinnatullina K.Z. (eds.) (1993) *Tatarskaya grammatika. Tom II. Morfologiya* [Tatar Grammar. Vol. II Morphology]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.